

Болгнешь что не дѣлають чернца одиѣ рясы.

Сегодня одинъ изъ тѣхъ дней святъ Николаю,  
Для чего весь городъ пьянъ отъ края до края.

Вино долженъ перевести, кто пьяныхъ не лю-  
бить.

Пространный столъ, что семьѣ поповской съѣсть  
трудно,  
Въ тридцать блюдъ, еще ему мнилось яство  
скудно.

Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять дов-  
лѣть  
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,  
И чуть три зуба сберечь могли за губами;  
Кои помнятъ морь въ Москвѣ, и какъ сего года  
Дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода.

Послѣдній стихъ невольно приводитъ на  
память стихи Грибоѣдова:

Извѣстѣя черпають изъ забытыхъ газетъ  
Время очаковскихъ и покоренья Крыма.

Кантемиръ, по своему болѣзненному сло-  
женію, меланхолическому характеру, былъ  
наклоненъ къ нравственному дидактизму.  
Немного суровый моралистъ (что доказы-  
ваетъ его раскаяніе въ любовныхъ пѣсняхъ)  
и весьма остроумный человѣкъ, Кантемиръ  
любилъ только избранное общество, слѣдова-  
тельно, не любилъ общества вообще, которое  
оскорбляло его своими пороками и недо-  
статками; такой характеръ предполагаетъ  
раздражительность и любовь къ уединенію.  
Всѣ эти обстоятельства необходимо дѣлали  
Кантемира сатирикомъ. По языку неточному,  
неопредѣленному, по конструкціи часто запу-  
танной, не говоря уже о страшной устарѣ-  
лости въ наше время того и другого, по  
стихосложенію, столь несвойственному рус-  
ской просодіи, сатиры Кантемира нельзя  
читать безъ нѣкотораго напряженія, тѣмъ  
болѣе нельзя ихъ читать много и долго.  
Но, несмотря на то, въ нихъ столько ориги-  
нальности, столько ума и остроумія, такіа

яркія и вѣрныя картины тогдашняго обще-  
ства, личность автора отражается въ нихъ  
такъ прекрасно, такъ человѣчно, что развер-  
нуть изрѣдка старика Кантемира и про-  
честь которую-нибудь изъ его сатиръ есть  
истинное наслажденіе. По крайней мѣрѣ  
для меня гораздо легче и пріятнѣе читать  
сатиры Кантемира, нежели громозвучныя оды  
Ломоносова, поэмы Хераскова и даже многія  
оды Державина (какъ, напримѣръ, «На взятіе  
Измаила», «Цѣленіе Саула» и т. п.); отъ  
всѣхъ этихъ одъ и поэмъ можно заснуть,  
а отъ сатиръ Кантемира проснуться. Во-  
обще для меня Кантемиръ и Фонвизинъ,  
особенно послѣдній, — самые интересные писа-  
тели первыхъ периодовъ нашей литературы:  
они говорятъ мнѣ не о заоблачныхъ превыс-  
шенностяхъ по случаю плоскыхъ иллю-  
минацій, а о живой дѣйствительности, исто-  
рически существовавшей, о нравахъ обще-  
ства, которое такъ не похоже на наше об-  
щество, но которое было ему роднымъ дѣ-  
душкой.

Посвященіе сатиръ Кантемира императрицѣ  
Елисаветѣ Петровнѣ, по своему изобрѣтенію,  
напоминаетъ оду Державина «По слѣдамъ  
Анакреона».

О Кантемирѣ, кромѣ статьи Жуковского,  
напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» 1890  
года, почти ничего дѣльнаго писано не было.  
Сочиненія и переводы его большей частью  
остались ненапечатанными, а напечатанныя  
изданы врознь. Въ 1836 году кѣмъ-то было  
предпринято изданіе «Русскихъ Классиковъ»,  
началось съ Кантемира, да на немъ и оста-  
новилось, кажется, на пятой сатирѣ. Изда-  
ніе было это красивое и снабженное био-  
графіей Кантемира и необходимыми примѣ-  
чаніями. Жаль только, что примѣчанія не  
были слово въ слово перепечатаны съ изда-  
ній 1762 года: они необходимы, потому что  
характеризуютъ духъ времени, состояніе рус-  
скаго языка и общества того времени.

## Петербургъ и Москва.

Предки наши, принужденные въ крова-  
выхъ боихъ познакомиться съ божіими  
дворянами и съ берегами Невы, конечно,  
не воображали, чтобы на этихъ дикихъ, бѣд-  
ныхъ, низменныхъ и болотистыхъ берегахъ  
суждено было возникнуть Россійской Импе-  
ріи, равно какъ не воображали они, чтобы  
Московское царство когда-нибудь сдѣлалось  
Россійской Имперіей. И возможно ли было  
вообразить что-нибудь подобное? Кто можетъ

предузнуть явленіе генія, и можетъ ли толпа  
предвидѣть пути генія, хотя этотъ геній и  
есть не что иное, какъ мысль, разумъ, духъ  
и воля самой этой толпы, съ той только  
разницей, что все, что таится въ ней, какъ  
смутное предчувствіе, въ немъ является от-  
четливымъ сознаніемъ? Въ концѣ XVII вѣка  
Московское царство не представляло собой  
уже слишкомъ рѣзкій контрастъ съ евро-  
пейскими государствами, уже не могло бо-